

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

— Чем объяснить, что лента «Легко ли быть молодым?» пользуется такой популярностью на Западе?

— Я полагаю, — на мгновение задумывается Юрис, — они почувствовали, что это открытый и искренний взгляд на нас самих, на наши проблемы. Причем взгляд не поверхностный, а как бы изнутри. Это во-первых. Во-вторых, затронутые в ленте вопросы и проблемы характерны ведь не только для нашего общества. Уверен, что они стоят и перед молодыми немцами, чехами или итальянцами.

— А доведись вам снимать фильм сейчас, все бы осталось в нем как есть?

— Нет, я бы, конечно, внес некоторые коррективы. Мне, например, явно не хватает в нем линии девушки. Мне как-то не везло с ними. Существует некий этический барьер, который нельзя переступать. Девушки — народ более скрытный, чем ребята. Зато когда дело доходит до откровений, они идут дальше. И я, как ни старался, не мог увязать все это вместе. Одну героиню я просто не выставил на экран. История была скандальная, и я не знал, сможет ли она после этого жить без новых проблем.

А вторая героиня... Когда я общался с ней, мне казалось, отношения у нас самые доверительные. Потом я на неделю уехал: надо было снимать ребят, возвращавшихся из Афганистана, и мы сутками караулили их на вокзалах. А когда вернулся, мне сказали, что звонила та девушка. Звонила... перед тем, как покончить жизнь самоубийством. Наверное, я все-таки чего-то недопонимал, и на экране должен был признаться в своей слабости. Сказать о том, что мало просто найти контакт с человеком — нужно его понять. А сделать это, оказывается, очень сложно.

Еще следовало развить в фильме линию приспособленчества. Слишком много появилось сейчас молодых людей, которые считают: главное, чтобы было приятно жить. Мог там пойти разговор и о родителях, да многое еще могло в нем быть, если бы позволил метраж. Словом, нет у меня ощущения

«Легко ли быть молодым?» Попробуйте назвать еще одну работу в документальном кино, которая бы вызвала столько споров, обсуждений, дискуссий. Сегодня наш собеседник — автор этого фильма режиссер Юрис ПОДНИЕКС.

— Ну что я могу еще рассказать? — Юрис разводит руками. — Столько уже было этих интервью. Ничего нового я придумать не сумею.

законченности фильма. Думаю, что лента, которую я снимаю сейчас, явится своеобразным продолжением. Это полтора часовая картина, заказанная англичанами, независимым телевидением.

— И в ней речь снова пойдет о молодежи?

— Не только. Фильм будет о столкновении и противоборстве людей, носителей определенных идей и энергий. О приверженцах нового и прогрессивного и о тех, кто старается загнать это новое в старые рамки. Вообще-то, эта телекомпания обычно все снимает «своими руками», а тут вдруг сделали исключение. Они сказали, что хотели бы понять, что у нас происходит, и не особенно диктовали условия. Поэтому я и согласился. Сначала, правда, они выбрали Алексея Рыбникова — он сейчас очень популярен в Англии и во Франции, поставил там с успехом «Юнону и Авось», — а потом уже вышли на меня. В фильме будет и линия Алексея — линия духовной активности в поддержку нравственных перемен в человеке, его совети.

— И как же он будет называться?

— Условное название «Алло, вы нас слышите?» Но оно может измениться.

— Знаю, что у фильма «Легко ли быть молодым?» были не только сторонники, но и противники, в том числе и среди педагогов. К чему сводились их претензии?

— У нас в Латвии это, в основном, происходило из-за нежелания выносить сор из избы. Кое-кто из ответственных товарищей боялся испач-

кать свой парадный мундир. Их аргументы: разбили всего один поезд за пять лет, а ты обобщаешь. Движение панков на убыль пошло, а у тебя наоборот. Они это не как явление рассматривали, а как конкретный факт. Опасались, что отразится на их отчетах.

— Тогда другой вопрос: легко ли вам дался фильм? Легко ли вообще снимать картины о молодых?

— Я шел по неизведанному пути. Как говорят — по карте Птолемея. Шел по пути случая. Какого-то жесткого сценария у меня не было. Я вообще стараюсь избегать сценарных рамок в своей работе — есть вероятность примериться к ним. По опыту своих коллег знаю, как часто тезисы ограничивают творческие возможности режиссера. И герой ему уже нужен не сам по себе, не целиком, а только как подтверждение тезиса. В результате получается не герой, а полугерой, даже герой на треть. В этом я вижу недостаток сценария как жесткой формы. Единственное, пожалуй, осложнение, которое я испытал во время работы, был монтаж. Я мучительно монтировал фильм день за днем в течение трех с половиной месяцев, с одним выходным в неделю, и был чертовски рад, когда завершил его.

— А как строились ваши отношения с молодежью на съемочной площадке? Она ведь не всякому хочет исповедоваться. Тем более, перед камерой.

— Старался не говорить с пьедестала умудренного жизнью человека — ошибка мно-

гих родителей и воспитателей. В этом случае мы обязательно разминувшись бы. Нужно было избежать и другой крайности — заигрывания. Ведь сейчас если с подростком что-то случается, мы в семье нередко бросаемся перед ним на колени: я для тебя столько делаю, а ты... Снова разница уровней. Только общение на равных может привести к пониманию друг друга. Они обязательно должны чувствовать, что их проблемы тебя по-настоящему интересуют. И тогда можно попасть в какую-то группу: к убийцам, наркоманам... Лидер и идеолог панков из группы «Разбитая Афродита», состоящей, в основном, из учащихся художественного училища, Айвар мне очень активно помогал. Да и другие ребята тоже.

А сейчас большинство из них уже отошли от этого течения, учатся в институтах, в Академии художеств. Айвар стал художником, пишет хорошие стихи, женился. Я до сих пор поддерживаю отношения с ребятами. Они приходят ко мне домой, читают стихи, иногда одалживают у меня денег. Я не могу так, чтобы снять фильм и порвать всякие отношения. Мне с ними действительно интересно.

Еще один важный момент. Во время общения с ребятами перед камерой я «выключал» съемочную группу — сам выходил на них, сам «держал глаза». Бывает ведь так: все лезут помогать, что-то подсказывают, советуют, а в результате контакта нет. Наша съемочная группа оста-

Что верно, то верно. На популярность режиссеру Рижской киностудии Юрису Подниеку в последнее время жаловаться не приходится. Его без конца одолевают телевизионщики и кинодокументалисты, критики и зрители. Его последнюю ленту купили шведы, французы, американцы, англичане, западные немцы... Непривычный, неординарный фильм сделал Юрис Подниекус, и все же...

валась позади меня — в двух, трех шагах. И получалось, что мы — один на один. Это располагало к откровенности. Я отказался от всяких комментариев к ленте: они ведь меня прокомментировать не смогут, значит, равновесие нарушится. Старался поставить в картине острые вопросы.

— И как вы полагаете, зрители ответили на них?

— В самом прямом смысле. В Риге вскоре после выхода фильма состоялась конференция педагогов. По окончании просмотра несколько человек подошли ко мне: «Вы нам открыли глаза...» Я был поражен. Как я могу открыть им глаза, если я говорю: молодых надо уважать, а мне из зала кричат: «За что?». И потом, если я, режиссер, открываю глаза на такие вещи педагогам, то им просто надо менять профессию.

Нет проблем молодежных, есть проблемы общества. Просто у молодых все это выражено обостреннее, в квадрате. Я во многих из них видел самого себя. Их судьба в чем-то схожа с моей. В какие-то моменты думал, что вот здесь могу подсказать ему, как поступить, но сомневался, имею ли на это право. Получилось так, что на парня, который работал в море, после выхода фильма на экраны ополчились чуть ли не вся больница. Главврач и другие возмутились, что из их коллектива выбрали именно такого героя, а их мнения даже не спросили. Почему-то многие полагают, что документальное кино — это Доска почета. Я мог бы

выступить по телевидению, разнести главврача, а потом подумал, что, возможно, это и к лучшему. Обстановка в больнице была не очень хорошей, да и сам тот парень собирался уходить. И я смолчал... Были сложные ситуации и с другими участниками картины, но главное, одного из них мы вытащили из тюрьмы. Помните, того единственного, которого приговорили к лишению свободы? Мы добились, чтобы его дело было пересмотрено, и спустя год после суда я встречал Раймонда Плориньша у себя на квартире.

Я думаю, что после нашей картины что-то изменилось в сознании людей. Как-то пристальнее стали они присматриваться к молодежи.

— Наверное, у вас большая почта?

— Да, пишут много. Сейчас получаю обязательно по три-четыре письма в день, а раньше еще больше было. Есть исповедальные письма, благодарственные, есть крики о помощи. Многие хотят познакомиться с ребятами: с Айваром, Игорем — тем, кто снимал любительское кино, с другими. Приходят и сердитые: вы портите молодежь, — но таких мало. Вообще нам пришла мысль на основе писем сделать что-то вроде книги. Думаю, может получиться очень интересная вещь.

— Вы сказали, что судьба ребят в чем-то перекликалась с вашей?..

— Да, в юности я тоже не был пай-мальчиком. Увлекался Битлз, Стоунз. Тоже ездил на концерты с какими-

то компаниями. Выгоняли меня за длинные волосы с вечеров. Случалось, убежал из дома.

В девятом классе учителя, а я учился в английской спецшколе, мне просто сказали, что если я не уйду сам, то меня «уйдут». Тогда отец, чтобы отвлечь от улицы, устроил меня на студию помощником оператора. Знал, что это затягивает, как в театре.

Спустя пятнадцать лет моя школа отмечала столетний юбилей, меня пригласили в качестве почетного гостя. Рядом с фотографиями лучших учеников висела и моя, посадили в президиум. А когда я спросил: «Неужели вы все забыли, неужели не помните, как выгоняли меня?», — они сделали невинные глаза: «Ну, что вы, Юрис, вы такой человек!..»

Откуда желание заглушить энергию молодых? Она, может быть, не всегда направлена куда надо, но если ее заглушить, уже не получится настоящего человека. Мне бывает больно видеть, как этот вулканчик энергии засыпает пеплом, вместо того, чтобы использовать его в нужных целях.

Мне повезло, я нашел себя на студии. Без работы там — мой трудовой стаж уже равен двадцати годам — я бы не смог сделать такого кино. «Легко ли быть молодым?» — моя восьмая режиссерская работа, а были еще операторские, доводилось и сценарии писать.

— Документальное кино — ваша единственная любовь или все-таки было желание попробовать себя в игровом?

— Моя любовь — хорошее кино, волнующее кино. После «Созвездия стрелков» я почувствовал, что несу некую миссию. Это не заносчивость и не высокие слова. Просто сейчас я ощущаю потребность в сопереживании зала. И аплодисменты здесь не самое главное, поскольку есть вероятность того, что твоя голова попадет между ладоней. Главное — это дыхание зала.

Первые десять сеансов я старался вслушаться в зал. Я видел, как ребята перешептывались, делали какие-то замечания, ходили по залу. Своим фильмом я задел их за живое. Впрочем, не только их. Кое-кто из «парадных пиджаков» красноречиво молчал.

Мы затоварились благополучными, отчетными фильмами. Мы потеряли доверие зрителей к себе. Важно вернуть это доверие. Но сделать это возможно, только задев за живое. Тогда неважно, какое кино ты снимаешь: художественное или документальное.

Не так давно я буквально за один день снял внеплановую ленту об Илмаре Блумберге. Известный художник, он на два года ушел в «подполье», а вышел из него с 56 картинами по мотивам древнегреческого эпоса. Когда я просмотрел их, то несколько дней находился в шоке: все эти великолепные работы о настоящем. И я захотел стать посредником между ними и зрителем. Не знаю, насколько мне это удалось. Не уверен, что у моих будущих картин будет такой же резонанс, как у фильма «Легко ли быть молодым?». Возможно, что он совпал со временем. Тем труднее сейчас. Все ждут от тебя нового и необычного, а я боюсь повториться, ступить на старую колею. Вполне вероятно, что я и обрашусь к художественным средствам, потому что не все можно сказать и языком документа...

— И когда нам ждать на экранах новую вашу картину?

— Я не оракул — самый обычный человек. И мне прежде надо набрать камней, чтобы их разбрасывать. Сейчас собираю.